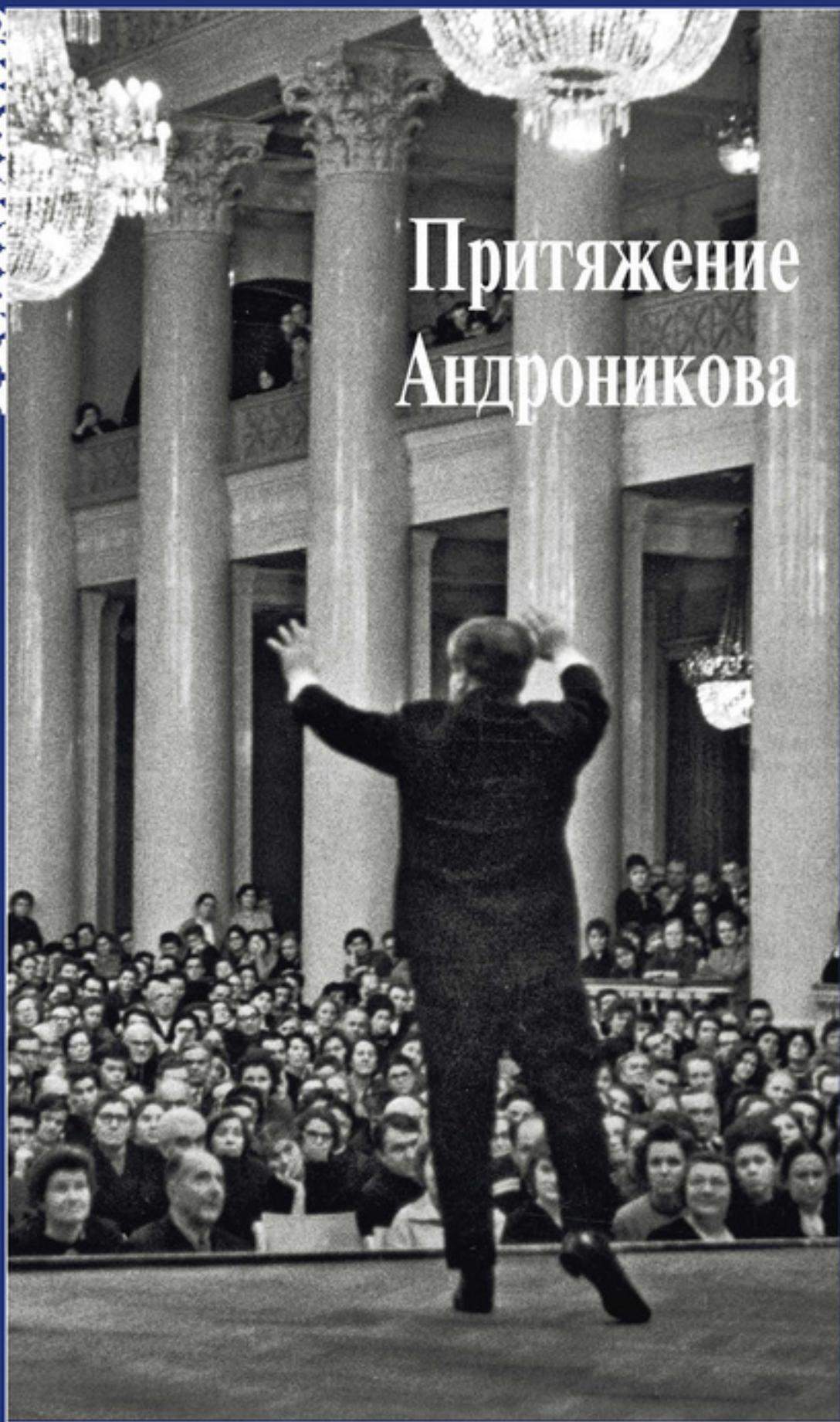

Humanitas

Притяжение
Андроникова

Humanitas

Коллектив авторов

Притяжение Андроникова

«ЦГИ Принт»

2015

УДК 7.01
ББК 85.3

Коллектив авторов

Притяжение Андроникова / Коллектив авторов — «ЦГИ Принт»,
2015 — (Humanitas)

ISBN 978-5-98712-517-5

Имя Ираклия Луарсабовича Андроникова (1908–1990), доктора филологических наук, профессора, лауреата Государственной премии, народного артиста СССР, памятно многим. Он – выдающийся деятель отечественного просвещения: увлеченный исследователь литературы, писатель, мастер устного рассказа, пионер телевидения, ценитель и знаток искусств. В сборник, посвященный ему, вошли разнообразные материалы: статьи, доклады на конференциях, художественные очерки, воспоминания и посвящения. Значительная их часть публикуется впервые. Всем, кому дорого живое писательское слово, небезразлично сохранение и приумножение богатств отечественной культуры, адресована эта книга. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 7.01

ББК 85.3

ISBN 978-5-98712-517-5

© Коллектив авторов, 2015

© ЦГИ Принт, 2015

Содержание

От составителя	8
ЕКАТЕРИНА АНДРОНИКОВА. Несколько слов об отце	9
ОЛЬГА ЭЙХЕНБАУМ. Об Ираклии	17
ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ. Об Ираклии Андроникове	19
ФЕДОР ЛЕВИН. Знакомство с Андрониковым	20
ТАТЬЯНА ЛЕВЧЕНКО. Несколько слов к рассказу «Знакомство с Андрониковым»	26
ТАТЬЯНА ТЭСС. Любимец многих муз	28
БОРИС ГАЛАНОВ. Ираклий	32
ВАЛЕНТИНА БАЛУАШВИЛИ. Капитан Ираклий Андроников	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Притяжение Андроникова

- © С. Я. Левит, составление серии, 2015
- © Е. Н. Шелухина, составление тома, 2015
- © Авторы, наследники, 2015
- © Центр гуманитарных инициатив, 2015
- ® Университетская книга, 2015

* * *

Мрачим Андроников

От составителя

Притяжение Андроникова...

Его ощущали многие. Начиная с тех, кому щедрая судьба подарила счастье дружить с Ираклием Луарсабовичем, работать с ним или встретиться хотя бы однажды в жизни, и заканчивая тысячами благодарных читателей, слушателей и зрителей, приобщенных благодаря ему к неисчерпаемым богатствам родной культуры.

Отсюда название сборника. В него включены произведения авторов нескольких поколений, разных профессий, общавшихся с Андрониковым на протяжении многих лет и знакомых с ним лично, но объединенных *силой притяжения* его всеобъемлющего таланта.

Существенную часть составляют работы, написанные или переработанные специально для данного издания. Рядом с ними публикации разных лет, впервые собранные вместе в одной книге.

Среди материалов, представленных в сборнике, – выступления участников «Андрониковских чтений», которые проходили в Государственном музее А. С. Пушкина в 1995–1996 гг. по инициативе основателя и первого директора музея А. З. Крейна.

В приглашениях на это памятное мероприятие было написано: «Ученый, писатель, артист, новатор радио и телевидения, инициатор и энтузиаст общественных начинаний, помогавший целым организациям и отдельным людям, внесший уникальный вклад в культуру, Ираклий Луарсабович Андроников – неисчерпаемая тема и для благодарных воспоминаний, и серьезного изучения его, хоть и неповторимого, но в высокой мере поучительного и актуального опыта». Пусть эти слова и послужат эпиграфом к нашей книге!

Екатерина Шелухина

ЕКАТЕРИНА АНДРОНИКОВА. Несколько слов об отце

Москва. 50-е годы. Беговая улица. Точнее, Хорошевское шоссе, дом 1А, корпус 46, квартира 3. Так этот адрес звучал тогда. Маленькие двухэтажные домики, построенные пленными немцами. Целый квартал. Здесь живут писатели, композиторы. Надо подняться по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, где у нас в одном из таких домиков крошечная двухкомнатная квартирка. Мне шесть лет. Уже год, не вставая, лежу в кровати. Септический эндокардит. Что это такое, толком не знаю. И не догадываюсь, насколько серьезно озабочены моим здоровьем родители.

В этом тягучем пространстве болезни, когда занять себя было нечем, читать еще не умела, я с таким нетерпением ждала, когда у папы будет время и меня на руках перенесут в кабинет, который одновременно был и спальней, и гостиной, и уложат на тахту, покрытую ковром. Ковер был прибит к стене, закрывая ее дефекты, а потом плавно спускался на это спальное место. Узор ковра я помню до сих пор. Эти детали возникают в памяти, и ты тут же перемещаешься в аскетичную жизнь того времени, в детство, когда ты окружен и защищен любовью родителей, и, уткнувшись носом в подушку отца, замерев, слушаешь, как он читает тебе книжку. И боишься, что кто-то его позовет и это мгновение закончится. Когда я родилась, отцу было сорок. У нас огромная разница в возрасте. Но ощущение трогательной заботы, с которой он ко мне относился до конца своей жизни, я чувствую до сих пор.

Разве можно забыть, как он носил меня на закорках по всему Переделкину и, цокая языком, изображал коня, на котором я ехала? И с высоты невысокого папиного роста я взирала на обитателей этого писательского городка, с которыми он останавливался поздороваться, но остановки эти могли оказаться долгими, поскольку он начинал рассказывать, и все проходящие мимо тоже присоединялись к нашей группе, и случался настоящий импровизированный концерт. А я время от времени была ногой в его плечо, чтобы он продолжал движение.

Разве можно забыть, как он мне читал? И не только когда мне было три года. Эта традиция чтения вслух сохранялась, пока я готова была слушать. И на веранде дачи было прочитано много прекрасной литературы. И повести Гоголя... Помню даже не столько текст, сколько интонации отца. Когда он читал «Вия» и произносил слова «поднимите мне веки», холод пробежал по спине. Стала взрослее, и отец читал стихи Пастернака. Опять запомнила, как он намерком воспроизводит тягучую и распевную интонацию Бориса Леонидовича: «Идет без проводочек и тает ночь, пока над спящим миром легчик уходит в облака...»

Запоминала стихи с голоса. Это было важно для меня. Когда он первый раз прочитал мне стихотворение «В больнице», у меня случилось абсолютное потрясение не только от стихов Пастернака, но и от внезапно возникшего осознания смерти, удивительно мудрого и простого.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделье,
И прячешь, как перстень, в футляр.

И мелодика стиха, которая до сих пор звучит в ушах.
А «Некрасивая девочка» Н. Заболоцкого:

А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?

Сосуд она, в котором пустота.
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Я благодарна отцу за эти смысловые акценты, на которые он обращал мое внимание.

Каждый год я ходила на костры к Корнею Ивановичу Чуковскому на его переделкинскую дачу. Дивное это было событие для всех детей округи – и писательских, и деревенских. За вход надо было принести десять шишек. Там было положено, чтобы дети читали стихи. Ну, разумеется, кто мог и хотел. Обычно дети читали стихи сообразно возрасту. А я перед очередным костром прихожу к папе, а он мне говорит: «А прочти пушкинский "Обвал"». Я еще совсем маленькая. Даже в школу еще не хожу. Роста незначительного, с низким голосом, которого я очень стесняюсь. И он мне читает это стихотворение. И я выучиваю наизусть с его голоса. Иду на костер. И произношу при Корнее Ивановиче, именитых его гостях и огромном стечении народа:

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

И от такого несоответствия внешнего облика маленького заморыша и громогласного стихотворения Пушкина, выученного с интонациями Андроникова, имею большой успех.

Помню ощущения от многократного прослушивания и увлекательного рассказа отца о том, как они работали со Львом Алексеевичем Шиловым, собирая и составляя первую пластинку «Говорят писатели» с неизвестными в те годы звукозаписями голосов известных писателей, чьи образы были знакомы по фотографиям, но вместе с голосами обретали более объемные черты. Пластинка была издана на фирме «Мелодия» с папиными комментариями. Он так был этим увлечен, что постоянно дома сам произносил тексты Есенина, Багрицкого, Бунина, Маяковского, записанные на пластинке. И ты тут же мог сравнить оригинал и отцовскую интерпретацию. А я опять со слуха старалась запомнить слова и интонации.

Разве можно забыть, как в моей более взрослой жизни, когда я находилась в большой грусти по серьезным поводам, он терпеливо и подолгу говорил со мной, и ситуация, которая казалась ужасной, вдруг начинала восприниматься не так остро. И возникала спокойная уверенность, что ты справишься.

Вообще он не жалел времени на разговоры, которые были дороги еще и потому, что он общался со мной как со взрослым и достойным человеком. А сколько было придумано отцом шуточных игр, наполненных целым миром людей и животных, у каждого из которых была биография и от имени которых мы разыгрывали между собой разные сюжеты. Это было сказочно интересно. И мы с папой существовали в этом вымышленном пространстве абсолютно органично.

Разве можно забыть, как он заразительно смеялся? Да не просто смеялся, а хохотал. Выясняется, что по нынешним временам это редкое качество. У него было дивное чувство юмора и абсолютное чутье на чужой юмор, только хороший. И конечно же самоирония. Хотя... это были важные, но далеко не единственные качества его характера. Теперь я почему-то люблю грустные и сосредоточенные фотографии отца, в них – серьезность и обращенность внутрь себя. Наверное, потому что он был не только веселым и легким, но поразительно глубоким человеком.

Прошла жизнь, а я не могу забыть, как мне с ним было хорошо. Вспоминаю, и хочется чувствовать себя по-прежнему маленькой и беззащитной.

Папа был абсолютно вне бытовой жизни. И ничего не умел делать по дому. Он даже не очень хорошо представлял себе, как согреть чайник. Это я теперь понимаю, как мама, которая ввалила на себя все проблемы, оберегала его от всего, к чему он вообще не был приспособлен.

Вообще дом, независимо от того, где бы мы ни жили (Беговая ли, Кировская или улица Горького), был для меня самым главным местом, куда всегда хотелось вернуться и никогда не хотелось уходить. Было приветливо и гостеприимно. С детских лет помню, как в доме толпились люди, а няня Пелагея Андреевна Перевезенцева, которая прожила у нас более тридцать лет, на мой вопрос: «Няня, кто это пришел?» – отвечала: «Доча, да ну их, к лихоманке. Ходят и ходят». Но при этом и сама обожала оказаться в центре всеобщего внимания. Отец звал ее Нянюнтий, а она его Отец или Батя. Няню все побаивались. Она могла в неподходящий момент эдакое сказать, что гости, да и родители, могли почувствовать себя неловко.

60–70-е годы. Афиши, расклеенные по Москве. Крупными буквами – ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ. УСТНЫЕ РАССКАЗЫ.

Он выходит на сцену стремительно, легко. Садится за стол, который вместе с креслом и есть вся декорация, поправляет скатерть, двигает стакан с чаем. Делает это неторопливо, так, что публика начинает следить за его руками. И наступает полная тишина. Этого он и дожидается. И тут внезапно начинает. Звук его голоса с баритональным тембром и подчеркнутым отчеканиванием слов, если этого требовало начало рассказа, заполняет все пространство зала Чайковского.

Про отца говорили «театр одного актера», потом, как часто это бывает, это выражение стало общим местом. А он был актером вне театра. Импровизатор. Сам по себе. Абсолютный одиночка, без предшественников и последователей. Так и остался. Ни учеников, ни продолжателей. Да и не могло быть.

У него был дар перевоплощения. Он преображался не только в манере говорить. Разные люди, которые становились прототипами его рассказов, существовали внутри повествования от первого лица, но всегда там присутствовал авторский голос отца – в репликах, диалогах, комментариях, интонациях. Это были сложносочиненные произведения, передававшие не только внешние характеристики людей, но и их внутреннее содержание.

Какая пронзительная история – рассказ папы о замечательном актере Илларионе Николаевиче Певцове, который заикался в жизни, но не заикался на сцене. Это один день перед спектаклем, в котором Певцов должен сыграть роль императора Павла I. Отец показывал, как Певцов готовится к выступлению, а в это время за окном идет Гражданская война, как Певцов пытается сосредоточиться, ведь иначе он не сможет произнести на сцене текст Мережковского и заикнется. И звонок жены. «В дом попал снаряд. Я и дети погибаем». В этом рассказе столько настроений, столько сюжетов, столько событийных рядов. Сложная композиция, как в кинематографе, – монтаж слов, мыслей, драматургических построений. Певцов идет по Москве спасать жену и детей. Отец так рассказывает, что видишь улицы, вывески, бакалейные лавки.

Рассказы у отца разные. В них всегда сюжет. В них характеры. И незаметные переходы от смешного к грустному, когда ты только что хохотал до слез и вдруг задумываешься – а чему ты смеялся?

Войти в зал Чайковского на его концерт можно было через артистический 7-й подъезд. Народ на улице спрашивал билеты. И вот тыходишь в зрительный зал, где царит шум ожидания, и тут же погружаешься в состояние приподнятого волнения, которое будоражит нервы.

Надо сказать, что отец сам никого не приглашал на выступления, говоря, что это неловко, что людей это к чему-то обязывает и им будет неудобно отказать. Никогда на его концертах не было специально приглашенных людей, чтобы организовывать аплодисменты. Ему и так

устраивали овации каждый раз. Но если кто-то говорил, что хотел бы пойти на концерт, отец непременно оставлял на служебном входе приглашения.

Я довольно рано начала ходить практически на все его выступления, если они были в Москве, и каждый раз, даже в известных мне рассказах, отмечала что-то новое. Когда меня впервые привели в зал Чайковского, я громче всех смеялась и хлопала в ладоши. Мама наклонилась и сказала, что «своим» аплодировать неудобно, пусть другие оценивают, а не родственники.

Возможность зайти за кулисы, увидеть, что происходит по ту сторону рампы, быть около сцены, наблюдать за отцом до и после выступления – все это вызывало ощущение детского восторга. Может быть, поэтому и в последующей жизни мне больше всего нравится наблюдать за тем, что скрыто от глаз зрителей. И каждый раз, когда мне удастся оказаться в зале Чайковского по самым разным поводам, я всегда вспоминаю папу, его голос, который и по сей день звучит в моем воображении под этими высокими сводами.

Потом в один миг все это кончается, но остаются воспоминания и ощущения, которые неповторимы.

Многих героев папиных рассказов я видела своими глазами, о ком-то слышала. Это были не только писатели, поэты, музыканты, но и ученые, поскольку мир науки вошел в нашу жизнь вместе с Элевтером Луарсабовичем Андроникашвили, братом отца. Они с папой очень дружили. Элевтер был физик, какое-то время работал в Москве в Институте физических проблем у П. Л. Капицы, потом уехал в Тбилиси, где создал Институт физики. По делам он часто бывал в Москве. О, какой это был праздник – его приезд в Москву. Как они с отцом дополняли друг друга. Оба замечательно образованные, оба блистательные рассказчики. Какая у нас была дружная семья! Все это воспринималось так просто. А на самом деле – это было редкое везение!

Очень долгое время отец почти каждый день общался по телефону с Виктором Борисовичем Шкловским. Я даже по характеру разговора, по тому, как отец устраивался в кресле, понимала, что он разговаривает именно с ним. Папа называл его Виктор Борисович, ты...

А потом, когда имена в записной книжке стали редеть, отец с грустью говорил, что скоро позвонить будет некому. Он никогда не вычеркивал ни одной фамилии. На всю жизнь запомнила тревожный разговор родителей через стенку комнаты и поняла, что случилось что-то непоправимое. Я побежала к ним узнать, что случилось. В Ленинграде умер Борис Михайлович Эйхенбаум, замечательный литературовед, которого отец считал своим учителем и называл «Папух».

А жизнь в Переделкине на улице, где подряд шли дачи Бориса Пастернака, Всеволода Иванова, а по соседству жили Корней Чуковский, Валентин Катаев, Лев Кассиль, Вениамин Каверин, Сергей Смирнов, Николай Тихонов, а рядом Андрей Вознесенский, казалась абсолютно естественной. Пока была маленькая, меня брали в гости. Побывала я тогда в разных домах. Какое удовольствие было сидеть рядом с родителями, тем более что я всегда предпочитала общество взрослых, нежели детей, с которыми, зная эту мою особенность, хозяева уже и не предлагали играть. И в доме Бориса Леонидовича Пастернака бывала неоднократно, когда там было много гостей. Он называл меня Дюймовочка, как в сказке Андерсена. И в доме Всеволода Вячеславовича Иванова не один раз. Как там было талантливо. Какие это были яркие индивидуальности.

А когда к нам приходили гости! Отец начинал представление, не успевал человек войти в дом. Уже в прихожей возникали какие-то мизансцены. Дело было не в том, кто знаменитый, а кто просто знакомый. Приходили самые разные люди. Бывали и друзья Мананы, моей старшей сестры, и мои одноклассники по балетной школе. Очень многим отец придумывал смешные прозвища, которые произносились прямо в глаза и навсегда приклеивались к человеку.

Но никто не обижался. Всегда возникали гиперболические эпитеты – кто-то был «неслыханный», кто-то «колоссальный». Корней Иванович – «кормилец, отец родной». Это была такая постоянная игра с людьми, в людей, которая затихала только глубокой ночью. А поразительные застолья, где отец фонтанировал с первой секунды, давая гостям возможность пообвыкнуться, поесть, чтобы не возникало зловещей тишины, когда люди мучительно ищут тему для разговора. А уж потом, когда всем становилось хорошо и свободно, начинались разговоры, которым не было конца. С возгласами: «Вива, что я хочу? А мне это можно?» – отец иронично разыгрывал постоянно возникающую тему своей полноты и спрашивал у мамы, чем ему велели питаться врачи. Это извечная попытка похудеть, точнее, просто оставаться в своем весе, хотя из этого никогда ничего не выходило, была маминой головной болью. Но отец из этого делал представление, обыгрывая это громогласно и шумно. Все хохотали.

А когда все смолкало, отец оказывался в кабинете. И часто работал до утра при свете настольной лампы.

Даже когда у меня появилась своя семья, мы жили с родителями. А потому все, что было дорого отцу: литература, музыка, театр – так или иначе составляло атмосферу каждодневной жизни дома. Это происходило само собой. Мне всегда нравилось, как отец работает, как двигается, как невероятно тщательно бреется, как искусно убирает письменный стол. Перед тем, как сесть писать, он аккуратно складывал на столе книги, рукописи, протирает пыль. Целую книжную полку занимали картонные коробочки из-под папирос «Казбек» и еще какие-то папиросные коробочки, неведомых теперь названий, перетянутые резинкой, где хранились аккуратно разрезанные бумажки, наподобие библиотечных карточек, на которых папа записывал разные факты из биографии Лермонтова, цитаты, которые он выуживал, занимаясь в архивах. Коробочки были надписаны красным карандашом по темам. Это должно было быть всегда у него под рукой. Никто не допускался до уборки письменного стола и книжных шкафов. И когда наступал одному ему известный порядок, он садился за свою пишущую машинку или писал от руки хорошим понятным почерком. Был очень аккуратен и точен в движениях. Работал сосредоточенно, вставляя в машинку сложенные вдвое листочки, печатал, правил, опять печатал, отвлекался, чтобы что-то обдумать, и в это время извлекал из своей огромной коллекции какую-нибудь пластинку и начинал дирижировать воображаемым оркестром под звуки симфонии Бетховена, Малера или еще кого-нибудь. Любимых композиторов и, что важно, исполнителей было много. Знал музыку профессионально. Чувствовал ее. Руки были пластичные, вдобавок он еще напевал или насвистывал звучащую мелодию и был так погружен в музыку, что подчас ничего не замечал. Потом опять возвращался к письменному столу. А как он свистел! Теперь об этом мало кто знает, но те, кто слышал, поразились, как можно не только напеть, но и просвистеть симфонию. Потом опять садился за письменный стол. Свои тексты обязательно читал маме, мнением которой очень дорожил, нам с сестрой, проверяя на слух. В этих маленьких по формату зарисовках возникали творческие и человеческие портреты современников.

У отца было неправильное, но невероятно выразительное в моем представлении лицо. Крупный нос, умные, глубокие глаза, тонкие губы, потрясающая улыбка с ровным рядом зубов и очень живая мимика. При своей плотной комплекции, как ни странно, был очень подвижен. Он носил костюмы, белые рубашки, галстуки. Одежды было крайне мало. Отцу трудно было купить что-то по размеру в магазине, да и что в ту пору было в магазинах? Ровным счетом ничего. За границу тогда он не ездил. Поэтому мама, у которой был очень хороший вкус, выбирала в комиссионках какие-то правильные ткани. А в мастерской Литфонда известный портной (по-моему, его фамилия была Будрайтскис) раз в год шил отцу костюм. Он приходил к нам домой на примерки и начиналось... Мы с Мананой и няней тоже наблюдали за происходящим. Давали советы. Но главной по всем этим вопросам была мама. В результате костюмы сидели ладно, не морщили. У папы никогда не было отдельных концертных костюмов. По правде говоря, и возможностей таких не было. Он был и в жизни, и на сцене таким, каким он был.

В белых рубашках, с чуть выпущенными из-под пиджака манжетами, в хорошо начищенных туфлях. Один раз перед выступлением, когда он уже одевался для концерта, куда-то запропастились резинки, которые надевались на рукава, чтобы манжеты не высовывались больше, чем надо. Поиски ни к чему не привели. От мамы влетело всем. Папа был взвинчен, говоря, что манжеты, если будут сильно торчать из рукавов пиджака, будут его отвлекать. Их придется все время подтягивать. Схватил ножницы и отрезал манжеты. Наступила зловещая тишина. Так и пошел на концерт. Но зрители этого не заметили.

Мне было девять лет, когда впервые родителя взяли меня с собой в Ленинград. Именно тогда отец снимался в первом своем фильме «Загадка Н. Ф. И. и другие устные рассказы Ираклия Андроникова». Съемки шли на «Ленфильме». Жили мы в гостинице около Московского вокзала. Мама обычно бывала с папой на съемках, но поскольку меня некуда было деть, она оставалась со мной. И вдруг объявилась милейшая пожилая женщина, которую почему-то папа ласково называл «хорошенькая старушка». Откуда она взялась? Выяснилось, что после одного из давних концертов, которые папа давал в Ленинграде, к нему подошла женщина и сказала: «Ирасик, а ты помнишь, как в детском саду ты делал коробочки?» Отец долго не мог понять, о каких коробочках идет речь, но мучительно напрягся и вспомнил, что, кажется, действительно, когда он был совсем маленьким, недолгое время он был в какой-то детской группе. Та ли это женщина была или нет, точно установить невозможно, но с тех пор, когда он приезжал в Ленинград, он ей звонил, и она навещала его. И на сей раз она внезапно возникла и с удовольствием водила меня по Ленинграду, рассказывая о достопримечательностях. На меня город, где родился отец, произвел невероятное впечатление. Я такой красоты прежде не видела.

Потом я еще несколько раз бывала с отцом в Ленинграде. Он водил меня с собой в Филармонию на концерты Евгения Мравинского, Юрия Темирканова в этот потрясающий зал, где он сам выступал и который любил бесконечно. Водил на спектакли Георгия Товстоногова, знакомил с артистами. С тех пор в моей жизни после отца этот театр играл огромную роль. Он показывал мне Эрмитаж и Русский музей. Однажды в Русском музее нас любезно пригласили посмотреть сокровища, которые хранились в запасниках и которые в те годы не выставлялись. Тогда впервые я увидела Кандинского, Малевича. Оглушительное впечатление. Вообще с отцом было невероятно интересно. Он не навязывал своих представлений, а умел навести фокус твоего восприятия. Прививал вкус к пониманию искусства. Во всяком случае, я так себе это представляю. И еще он умел восхищаться талантами других людей.

Жизнь вспоминается не по хронологии. Вдруг из подсознания явственно возникают фрагменты, как располагались люди и предметы внутри того или иного помещения. Иногда вспоминаю малозначащие эпизоды, но которые почему-то врезались в память. Ну, например, папа с группой писателей в середине 60-х годов был в Риме. Именно после этой поездки возник рассказ «Римская опера». Перед отъездом мама попросила его, чтобы он купил какие-нибудь подарочки для Мананы, которая была в тот момент нездорова. И когда он приехал и открыл чемодан, выяснилось, что на свои копеечные суточные он сумел купить сувениры только для Мананы. Ни маме, ни себе, ни мне он ничего не привез – денег не было. И вот он достает какие-то красные джинсы, безделушки, которые продаются там на каждом шагу, а в то время это были чудесные вещицы, и все это для Мананы. Как я ревела. Как я была обижена. Какой никчемной и ненужной я себя почувствовала. Как Манана стала говорить, что она мне все отдаст. И как мне тогда и теперь стыдно. Он поступил благородно, позаботившись о старшей дочери, нуждающейся в тот момент во внимании. Почему у меня была такая реакция? Детская ревность? Кстати сказать, над письменным столом у меня висит потрясающий портрет Мананы работы художницы Таты Сельвинской, на котором Манана в тех самых красных брючках. Какая это

драгоценная память – иметь портрет сестры, которой давно уже нет, и как хорошо, что были у нее эти красные джинсы.

Как жалко, что отец не писал воспоминаний. Даже не для публикации. Для себя, для меня. Как я в этом нуждаюсь, чтобы разобраться в каких-то очень важных вещах, и хочется задать ему столько вопросов. Подробно узнать историю семьи. Как хочется вместе с ним рассмотреть семейные фотографии. Сколько он знал того, что не делал достоянием публики. Как это важно было бы не только услышать, но и записать. Почему все эти вопросы не возникали у меня при жизни родителей? Возникали, но, как всегда, думала, еще успею.

А тем временем, отец родился в семье, где в разных поколениях и в разных ответвлениях была сфокусирована история. Папин отец – Луарсаб Николаевич Андроников (Андроникашвили), известный петербургский адвокат, был последним сенатором во Временном правительстве. Говорят, что он был потрясающим оратором, но речи свои не записывал, а потому его выступления не сохранились. Потом он уехал в Грузию, создал юридический факультет в Тбилисском университете, читал лекции. Умер в Тбилиси в 1939 году. Мама моего отца – Екатерина Яковлевна Гуревич, дочь петербургского педагога, основателя известной в ту пору гимназии Гуревича. Как рассказывал отец, обладала удивительным литературным талантом, но никогда не публиковалась, а писала в стол. Погибла во время блокады в пустой квартире в Ленинграде. Отец боготворил мать и каждый раз, когда говорил о ней, на глазах выступали слезы. Ее родная сестра – Любовь Яковлевна Гуревич, известный театральный критик, издатель, знакомая К. Станиславского, А. Чехова, Л. Толстого. Двоюродный дядя моего отца по материнской линии – известный философ Иван Ильин, покинувший Россию на «философском пароходе» в 1922 году.

Сколько у меня было возможностей взять карандаш и записать что-то со слов отца. Но всегда были какие-то каждодневные дела, все время куда-то бежала, а на узнавание действительно важного времени не хватало. К сожалению, отдельного времени и отдельного интереса к прошлому не бывает. Но, с другой стороны, если бы отец хотел сам написать, он, наверное, сделал бы это, но ведь не сделал. Значит, считал, что так правильно. А может быть, думал, что будет этим заниматься, когда отойдет от активной жизни. Не успел... что теперь об этом гадать?

Я не люблю распространяться о последних годах жизни отца, которые были невероятно трудными для всех. Не стало Мананы, он не смог перенести эту трагедию. Болезнь настигла его медленно, пока полностью не лишила возможности работать. А без работы ему, такому энергичному и разностороннему, было невозможно. Случилось так, как не должно было быть. Но могу определенно сказать, что болел он, проявляя огромное человеческое достоинство. Мне редко приходилось видеть человека такого невероятного терпения и выдержки, такой покорности и благодарности людям, которые помогали.

Мне всегда было с ним невероятно интересно. А сейчас было бы еще интереснее. Сколько можно было бы обсудить важных вещей. В том числе телевидение, которое он обожал, а я в результате всю жизнь на нем работаю. Помню, что для отца работа над фильмом, передачей не ограничивалась съемками. Он всегда приходил на монтаж, он всегда подбирал вместе с музыкальным редактором звуковой и музыкальный ряд. Ему было не все равно, каким будет результат. Он любил замечательных своих телевизионных коллег. А в последние годы жизни именно они: Борис Каплан, Андрей Золотов, Игорь Кириллов, режиссер Алина Казьмина, оператор Андрей Тюпкин – среди других замечательных людей оставались друзьями. Преданными и верными. И не только в дни радостных застолий, но и в трагические дни нашей жизни.

Если подумать, то казалось, что отца на телевидении много снимали. Но какие это крохи по сравнению с современными возможностями. Отец был своего рода открывателем телевизионного жанра «рассказывания с экрана». Это понимали и раньше. Но теперь мы видим доказательство этого в замечательных циклах выдающихся искусствоведов, писателей, театроведов,

артистов. Это прекрасно. Но мне кажется, и я не побоюсь это произнести вслух, что этот путь авторского слова, обращенного к зрителю, прокладывал мой отец.

Всю жизнь борюсь с ощущением, когда-то поселившимся внутри, «природа на детях отдыхает». И хотя я уже давно переросла все мыслимые возрасты, меня по-прежнему посещают подобные чувства, и тогда я думаю о том, что отец любил меня такой, какая я есть. И это очень утешает...

Мне хочется выразить огромную признательность Борису Каплану, Александру Лободанову, Алексею Пьянову, Григорию Саамову, Екатерине Шелухиной за самую идею этого сборника, за бесценный и огромный труд по его составлению.

Хочу поблагодарить всех, кто написал воспоминания специально для этой книги. И пожелать им здоровья!

И конечно же хочу вспомнить тех замечательных людей, кто писал об отце в прежние годы и память о которых всегда со мной.

2015

ОЛЬГА ЭЙХЕНБАУМ. Об Ираклии Выступление на первых «Андрониковских чтениях»

Вбольшой комнате стоит большой круглый стол. Он покрыт хорошей скатертью, на нем стоит большая глубокая тарелка с манной кашей.

За столом сидят две девочки – я и моя школьная подруга. Мы пытаемся делать уроки. Пытаемся изо всех сил, но их у нас мало. Все наши мысли – только о них, о двух мальчишках, которые приехали из Тбилиси навестить свою маму. Два мальчика – Ираклий и Элевтер. В Элевтера влюблена я, в Ираклия – моя подруга. Мы ждем, когда раздастся стук в дверь и они войдут в комнату. Родители ушли в гости, мой маленький брат Димочка спит в соседней комнате.

И вот стук в дверь – они входят. Ираклий, или Ирик, – упитанный красивый мальчик – веселый, хохотун, громогласный... и очень голодный. Он немедленно садится за стол и уплетает кашу, которую Дима никогда не доедает. Элевтер худощавый, тоже красивый, но молчаливый и ироничный. Может быть, он тоже голодный, но ирония побеждает голод. Мы все тогда были голодные и почти привыкли к этому состоянию. Но Ираклий очень много сил тратил на смех, шутки, – темперамент его не поддается описанию – и моя Женя смотрит на него влюбленными глазами. Ирику лет четырнадцать, мне и Жене двенадцать, Димочке два года...

Мы играем в прятки, в шарады, в факты – эти игры давно забыты детьми, даже в детских садиках. В этой квартире мои родители жили до 1926 года, и Ирик довольно часто приезжал из Тбилиси. Потом я мало его видела, но много о нем слышала от папы¹. Он рассказывал, как Ираклий, окончив университет, поступил в редакцию журналов для детей «Чиж» и «Еж», где главным редактором был Олейников, с этими журналами сотрудничали Шварц, Хармс, Маршак. Его должность – секретарь редакции – была ему, конечно, не по душе, и он нашел выход из положения. Он показывал всем присутствующим их самих, а также и людей отсутствующих. Показывал так, что работать после этого уже не было сил: все силы уходили на смех, из глаз лились слезы – благодарные слезы от смеха... Но надо было выпускать очередной номер! Надо было работать! И Ираклию пришлось уйти. С папой он был очень дружен, что не мешало им спорить, и мама растаскивала их часа в четыре ночи силой...

Уже после войны, когда я жила с папой на канале Грибоедова, дом 9 и папина ученица Юлия Бережнова, собрав деньги не только с ленинградских друзей отца, но и с московских, купила к шестидесятипятилетию папы фисгармонию, Ираклий приезжал из Москвы – и устраивался концерт.

Папа брал аккорды, стараясь сделать это потише, так как наш «небоскреб» развалился бы от мощных аккордов. И Ираклий своим потрясающим голосом пел что-то баховское. На диване сидел Шварц, и когда Ираклий на секунду останавливался, чтобы набрать в легкие воздух, Шварц дискантом быстро проговаривал:

А Ираклий, этот гад,
Зачем приехал в Ленинград?

Потом в изнеможении все садились пить чай и отдыхать.

Ну, а потом, уже после смерти папы, я редко видела Ираклия, даже переехав в Москву. Нас развела жизнь. Но для меня Ираклий всегда был близким и родным человеком.

¹ Б. М. Эйхенбаум (1886–1959) – выдающийся литературовед, учитель И. Л. Андроникова. – *Примеч. сост.*

1995

ЕВГЕНИЙ ШВАРЦ. Об Ираклии Андроникове

Он никому не принадлежал. Актер? Нет. Писатель? Нет. И вместе с тем он был и то, и другое, и нечто новое. Никому не принадлежа, он был над всеми. Отсутствие специальности превратилось в его специальность. Он попробовал выступать перед широкой аудиторией – и победил людей, никогда не видавших героев его устных рассказов. Следовательно, сила его заключалась не в имитации, не во внешнем сходстве. Он создавал или воссоздавал, оживлял характеры, понятные самым разным зрителям. Для того чтобы понять, хорошо ли написан портрет, не нужно знать натурщика. И самые разные люди угадывали, что портреты сделаны Ираклием отлично, что перед ними настоящий художник. Его выступления принимались как чистый подарок и специалистами в разных областях искусства. Именно потому, что Ираклий занимал вполне независимую, ни на что не похожую позицию, они наслаждались без убивающей всякую радость мысли: «А я бы так мог». В суровую, свирепую, полную упырей и озлобленных неудачников среду Ираклий внес вдруг вдохновение, легкость. Свободно входил он в разбойничьи пещеры и змеиные норы, обращаясь с закоснелыми грешниками, как со славными парнями, и уходил от них, сохраняя полную невинность. Он был над всем.

1956

ФЕДОР ЛЕВИН. Знакомство с Андрониковым

Ленинградские писатели старшего поколения хорошо помнят свое Издательство писателей в Ленинграде, во главе которого стоял Константин Федин.

Оно занимало несколько больших и малых полутемных комнат в старинном толстостенном здании Гостиного двора, над магазинами, там, где когда-то, очевидно, помещалась контора одной из многочисленных торговых фирм старого Петербурга. Здесь, в тесноте, но не в обиде, работали редакторы издательства, бухгалтерия и производственный отдел, юрист и машинистки, принимал посетителей и вел заседания Константин Александрович и кипела энергией, жизнерадостностью и веселостью его неизменная помощница Зоя Александровна Никитина.

Летом 1934 года Издательство писателей в Ленинграде было преобразовано в отделение издательства «Советский писатель». Мне довелось проводить эту реорганизацию, и в 1934–1935 годах я часто приезжал в Ленинград.

Пройдя под тяжелыми сводами ворот, я подымался по старым массивным ступеням полутемной лестницы и на целый день отдавался беседам с авторами, окунался в бумаги, вел совещания и заседания.

В один из таких дней, закончив работу, усталый и проголодавшийся, я уже взялся за пальто и шапку, когда меня остановили Григорий Сорокин и писатель Арсений Островский, заведующий редакцией «Библиотеки Поэта», которая входила в систему издательства и занимала в нем одну или две комнаты.

– Федор Маркович, – сказал Сорокин, – уделите нам минут десять.

– Что-нибудь срочное? Нельзя ли завтра? – коротко попросил я. – Уже поздно...

– Вы не пожалеете, мы вам покажем то, чего вы в Москве не увидите. Пойдемте. И вы тоже, – добавил Сорокин, обращаясь к А. В. Фоньо, приехавшему со мной из Москвы. Фоньо, венгерский революционный эмигрант, был тогда заместителем директора издательства. – Что ж, пойдемте, – сказал я с невольным вздохом. – Только ненадолго.

И мы пошли за Григорием Сорокиным по темному коридору. Около двери с табличкой редакции «Библиотека поэта» жался черноволосый человек, которого я сначала даже и не разглядел. Мы вошли в узкую прямоугольную комнату с одним окном, и Сорокин почти втащил за нами этого черноволосого человека, который бормотал что-то не очень внятное. Можно было разобрать только:

– Гриша, я же не в голосе, у меня не выйдет... – Все это бормоталось умоляющим тоном.

Не обращая никакого внимания на жалобы страдальца, Сорокин стал знакомить нас.

– Ираклий Луарсабович Андроников, – назвал себя наш новый знакомый. – Мое отчество не все сразу запоминают, – сказал он. – Знаете во Франции реку Луару, в школе учат? Вот от нее и производите, – продолжал улыбаясь.

Сорокин усадил нас с Фоньо в одном конце комнаты, у окна, и сам устроился рядом. Тут же расположились Л. Островский и Зоя Александровна. Напротив, у двери, сел Андроников. Нас разделяла вся длина комнаты.

– Ну, Ираклий, не тяните, начинайте, – командовал Сорокин.

– Но я же не в голосе...

– Не ломайтесь, пожалуйста, начинайте.

– Что же мне показать? Как вы думаете?

– Что хотите. Вечер у Алексея Толстого.

Пока Сорокин настаивал, командовал и упрекал Андроникова, что тот ломается и заставляет себя просить, я рассматривал нового знакомого. Мне бросились в глаза крупные и мяси-

стые черты его лица, но я не мог и подозревать, какие разнообразные физиономии может лепить из этой мягкой и даже рыхлой массы ее обладатель.

Наконец Андроников смирился с неизбежным. Он немного повозился, удобнее усаживаясь на стуле, опустил голову, закрыл лицо ладонями, медленно стал поднимать его к нам, и в то же время руки его неторопливо сползали вниз, открывая лицо... И я обомлел: на меня глядел Алексей Толстой. В ту же секунду Ираклий Луарсабович заговорил, и то, что могло казаться мгновенной иллюзией, стало вещественной реальностью. Зазвучал голос Толстого, хрипловатый, басистый, скрипучий, и его особенно всхрапывающий смех.

– Пейте водку, оставьте ваш скеп-ти-цизм!

Я хорошо знал Алексея Николаевича, десятки раз видел его в издательстве «Советская литература», в «Советском писателе», на заседаниях и собраниях в Союзе писателей, я слышал его выступления.

То, что я видел сейчас, казалось чудом. Иллюзия была полной: говорил Алексей Толстой. Вся моя усталость исчезла, как будто и не было позади утомительного и нервного рабочего дня. Я поистине был изумлен, зачарован, восхищен, обрадован. Много раз после того я видел и слышал Ираклия Андроникова: в узком кругу писателей, на эстраде, по телевидению – всегда испытывал громадное наслаждение от его поразительного искусства, но никакие впечатления не могут сравниться с тем первым, – вероятно, потому, что оно было совершенно неожиданным.

Ираклий развертывал перед нами одну из лучших своих сцен-рассказов: вечер в доме Алексея Толстого в Детском Селе. Толстой ужинает с гостями, в их числе К. А. Федин, М. М. Зощенко, М. Л. Слонимский. Особое место занимает московский гость Василий Иванович Качалов.

Толстой угощает гостей, шутит, озорничает. Он заставляет Качалова прочесть отрывок из «Воскресения» Л. Н. Толстого. И тут Ираклий Андроников удвоил мое изумление и восхищение. Я, конечно, видел инсценировку «Воскресения» во МХАТе и помнил, как великолепно исполнял Качалов роль ведущего, как он рассказывал о Катюше Масловой, слишком поздно прибежавшей на станцию к поезду, которым проезжал мимо Нехлюдов. Можно ли было представить себе актера, который сыграл бы ведущего, как сам Качалов, говорил его голосом, жестикулировал его жестами, стал вторым Качаловым? И, однако, Андроникову это удалось. Но это не все. Особенность андрониковского исполнения заключалась еще и в том – это я вполне понял далеко не сразу, – что Ираклий Луарсабович не только подражал голосу, интонациям, манере Алексея Толстого и В. И. Качалова, он создавал их образы, их внутренние портреты.

Толстого Андроников рисовал с добродушным юмором, любовно, а Качалова – не без яду, посмеиваясь над «актерским» поведением артиста, за многие годы привыкшего к любованию поклонников, над его постоянной невольной «игрой» и в жизни, как на сцене, над позированием на людях, ставшим как бы второй его натурой.

Большой, блестяще инструментованный рассказ о Толстом и Качалове, с многочисленными остроумнейшими находками в духе и стиле обоих главных персонажей, заканчивается отъездом Качалова. Толстой провожает его на крыльцо, уговаривая все же остаться.

– В крющон не наступи, в крющон, – говорит он в темных сенях. Наконец они целуются. Василий Иванович садится в пролетку. И тут Андроников стал прищелкивать языком, необыкновенно искусно передавая звонкое цоканье лошадиных копыт. На мгновение это цоканье прервалось кинутым в темноту последним озорным возгласом Толстого: «Прощай, хрен!» – и снова звучит уже удаляющийся стук копыт по мостовой, – он все тише и тише. И вот уже одними губами, легчайшим, замирающим чмоканьем передает Андроников далекий бег лошади. Это уже чуть слышный звук. Наконец заглох и он. Все.

Я очнулся, как от наваждения, и перевел дух. Мы не находили слов, чтобы выразить ошеломляющее впечатление от необыкновенной сцены, поразительно исполненной перед нами в унылой комнате редакции с канцелярскими столами, человеком в обычном костюме, без всякого грима, волшебником, уже улыбавшимся нам своей собственной улыбкой на мясистом, мягком лице с крупными губами, большим носом, с чертами, ничуть не похожими ни на Толстого, ни на Качалова.

– Еще! – сказал я, немного оправившись. – Это бесподобно. Действительно, я никогда ничего похожего не видел ни в Москве, нигде. Вы кудесник, Ираклий Луарсабович. Еще, пожалуйста, еще!

Андроников весело смеялся, видя наш восторг. Фоньо качал головой, не находя слов от изумления.

Ираклия Луарсабовича уже не надо было упрашивать. Он изобразил встречу Алексея Толстого с немецким кинорежиссером Пискактором. Толстой говорит то по-русски, то по-немецки, объясняет Пискактору, как настаивают водку на березовых почках. Потом он удивляется, что к обеду приготовили морковные котлеты, и с присущим ему озорством, играя рассерженного, говорит жене:

– Если на обед еще раз подадут морковные котлеты, то я уйду из дома, как Лев Толстой.

Затем Андроников представил все того же Алексея Толстого, вторгшегося в кабинет к Самуилу Яковлевичу Маршаку, ведущему заседание детского отдела Госиздата, и разговор между ними, изобразил своих университетских профессоров В. Жирмунского и Л. Щербу, немецкого дирижера Штидри, приехавшего в СССР на гастроли.

Ираклий Луарсабович был в ударе. Впрочем, он всегда в ударе, всегда превосходен, в боевой форме, иным я его не видел. Мы слушали и смотрели два, три часа, может быть, больше. За окном сгустились сумерки.

И тут меня осенило.

– Ираклий Луарсабович! – сказал я. – Вы должны поехать с нами в Москву. Вас надо показать московским писателям. Я возвращаюсь в Москву послезавтра. Едем вместе. Устроим ваш вечер в писательском клубе.

Андроников стал возражать: как же это он вдруг поедет? У него работа, он занят. Да и кто пойдет его слушать?

Я настойчиво опровергал все его аргументы. Дня на два, на три можно отложить дела и вырваться в Москву. Вечер в клубе устроим немедленно, я член правления, переговорю и добьюсь. Писатели придут, мы всех оповестим.

Последний довод Андроникова был такой: у него нет денег.

– Это не беда. Клуб оплатит вам проезд, даст гонорар за выступление, – уговаривал я.

Андроников заколебался и дрогнул. Я усилил натиск.

На другой день он окончательно решился, уладил свои дела, и мы вместе отправились в Москву.

В дороге Ираклий Луарсабович между прочим рассказал, как он однажды испробовал свое умение имитировать голос Толстого и эта проба чуть не окончилась бедой. Андроников «готовил Толстого» втайне от него самого и от его родных. Однажды он поехал из Детского Села в Ленинград с сыном А. Н. Толстого Никитой, который вел машину. Андроников сидел сзади. Никита любил ездить быстро, и ему постоянно влетало за это от отца. На этот раз Алексей Николаевич остался дома, и Никита погнал машину с большой скоростью. Где-то на полпути Ираклий Луарсабович внезапно сказал голосом Толстого: «Никита, опять ты гонишь сломя голову. Сколько раз тебе говорить...» Но тут же Андроникову пришлось уже своим «не своим» голосом закричать: «Держи руль!» – потому что, услышав отцовский голос, Никита в ужасе обернулся, автомобиль вильнул, и они едва не слетели с ним в канаву. После этого Ираклию Луарсабовичу уже пришлось показать свое искусство в полном объеме детям

Толстого, они рассказали отцу, и, наконец, Андроников вынужден был по настоянию Алексея Николаевича исполнить свой номер и перед ним самим. Толстой был в восторге, кидал свою шляпу на пол и кричал жене:

– Туся! Он придет к тебе ночью, и ты не узнаешь, что это не я!

Вечер Ираклия Луарсабовича устроили не в самом клубе, а в здании правления Союза писателей, в так называемом кинозале, где тогда проходили собрания писателей. Зал был невелик, мест на 200–250, но в ту пору этого хватало. Андроников очень волновался. Он уговорил меня сказать вступительное слово, и я представил его москвичам. Должен заметить, что полное значение и смысл искусства Ираклия Луарсабовича тогда не были мною вполне оценены и поняты, и я говорил преимущественно о его необычайном мастерстве имитации. Лишь позднее вырисовалось передо мною, что имитация не самое главное в его искусстве, а лишь одно из средств, хотя и необходимое и важное.

Ираклий Андроников не копирует людей, которых изображает, не списывает свои сцены с натуры. Его работа – подлинное творчество. Свои рассказы он сочиняет, они не истинное происшествие, случай из жизни, копия действительности, а художественное произведение. Он рассказчик не в житейском смысле (вот-де интересно рассказывает о том, что видел или что пережил) и не эстрадный исполнитель, а сочетает в себе писателя-новеллиста, устного рассказчика и актера. Его сцены, перемежаемые комментарием, подчиняются законам художественного произведения, в них налицо отбор материала из потока фактов и впечатлений, преобразенных его творческой фантазией, создание характера, человеческого образа, преувеличение, подчеркивание необходимого, вымысел, сюжет и композиция, тщательная стилистическая обработка. Меняет ли дело то обстоятельство, что Андроников записывает свои рассказы лишь после того, как много раз их расскажет в разных аудиториях, выверит, отшлифует и «обкатает» перед слушателями?

Я видел Ираклия Андроникова то редко, то часто, мне довелось слышать в его исполнении рассказы о многих и многих людях. Всегда там, где появляется Андроников: в Гослитиздате, в «Советском писателе», в Доме литераторов, – вокруг него образуется «род веча», люди оставляют на время работу и слушают и просят что-либо рассказать, все равно старое или новое.

Людей, которых Ираклий Луарсабович намечает представить, заинтересовавших его, он берет на прицел, изучает самым тщательным образом, пока не овладеет человеком вполне, как художник, пишущий портрет, или скульптор, лепящий бюст. Помню, я встретил как-то Андроникова на Тверском бульваре в погожий летний день. Мы обменялись несколькими вступительными к разговору словами, осведомившись о здоровье друг друга, о семьях, как вдруг Ираклий Луарсабович, всегда исключительно вежливый, прервал меня на полуслове:

– Ради бога, извините, Федор Маркович, я должен вас покинуть. Там стоит Пастернак, я его упущу. Я побегу к нему. Я его сейчас делаю.

И он действительно помчался со всех ног к выходу с бульвара, помахав мне рукою на прощанье.

Я посмотрел вслед и увидел, как он, уже перейдя на шаг, приблизился к Борису Леонидовичу Пастернаку, который, ничего не подозревая, рассматривал какую-то афишу на стене возле Камерного театра (ныне Театр имени Пушкина). Андроников заговорил с Пастернаком, и немного погодя они двинулись к Никитским воротам.

«Ах ты хитрец», – подумал я.

Спустя месяц или два Андроников в одной из своих сцен-рассказов в писательской среде с необычайным искусством изобразил Пастернака, его, казалось бы, неповторимый стонущий голос, манеру и стиль, передал самый дух его мышления и устной речи.

Но вернусь назад. Итак, в кинозале прошел первый вечер Андроникова. Он имел большой успех. Я счел свою миссию выполненной, обратился к своим издательским и литератур-

ным делам и на некоторое время потерял Ираклия Луарсабовича из виду. До меня доходило, что его стали тут же приглашать выступать в Центральном Доме работников искусств, в Доме печати, тогда еще, кажется, не переименованном в Дом журналиста, во Всероссийском театральном обществе, в Доме ученых. В общем, Андроников «пошел». Он был приглашен к Горькому.

Дней через десять после первого вечера он пришел в издательство.

– Как, вы еще не уехали? – удивился я. – А как же ваши ленинградские дела?

Андроников отвечал что-то невнятное, я понял только, что он еще задержится в Москве, а дела в Ленинграде подождут.

Прошло еще недели две или три. Ираклий Луарсабович вновь появился в издательстве.

– Федор Маркович, а ведь я стал москвичом, – сказал он и не смог удержать широкой, счастливой улыбки.

– Как так?

– Я женился.

И Андроников расхохотался, наслаждаясь удивлением, изобразившимся на моем лице. Ну, поздравляю вас, – сказал я, придя в себя. – Только смотрите, чтоб ваша жена была с вами счастлива, а то я себе не прощу, что привез вас в Москву. Ведь я тогда окажусь виноват перед нею.

С тех пор прошло уже тридцать с лишним лет. Устные рассказы Андроникова приобрели широкую известность, некоторые занесены на бумагу, изданы. Его публичные вечера собирают полные залы, билеты раскупаются мгновенно, берутся с бою. Репертуар его необычайно расширился и все время пополняется.

Недавно я видел телевизионный фильм «Ираклий Андроников рассказывает». В течение полутора часов передо мною прошли в блестящем изображении Алексей Толстой и М. Горький, С. Маршак, В. Качалов, В. Шкловский, В. Жирмунский, Л. Щерба. Большое место заняли рассказы об И. Соллертинском и об А. Остужеве. Фильм сделан превосходно, хотя кое-где затянут. Но я не собираюсь здесь рецензировать его. Хочу только сказать, что я предпочел бы увидеть и услышать серию лучших устных рассказов Ираклия Луарсабовича, представленных не фрагментами и отрывками, а каждый целиком. Конечно, очень интересно, как начал свой путь Андроников и как развивался его талант и сам жанр его рассказов. Мне и, думаю, всем было бы интересно узнать, как развивались и совершенствовались такие мастера, как Сергей Антонов или Юрий Нагибин, и, если бы они рассказали об этом, иллюстрируя повествование отрывками из своих произведений, объясняя, как и почему то или иное было написано, я прочел бы об этом с удовольствием и пользой. Но разве заменило бы мне это сами их рассказы? Нет, я все-таки предпочел бы снова перечитать «Лену» или «Поддубенские частушки» С. Антонова, «Зимний дуб» или «Покупку коня» Ю. Нагибина.

Как ни интересен рассказ Ираклия Андроникова о своем пути с иллюстрациями из его замечательных живых «портретов», я все же был бы счастлив вновь услышать и увидеть его рассказы в неурезанном виде. И неслучайно, что в телефильме более всего впечатляет самый полный среди других рассказов об Остужеве «Горло Шаляпина».

Ираклий Андроников – редчайший талант, многообразный талант, целое явление. Он ученый, один из лучших знатоков жизни и творчества Лермонтова. Он один из неутомимых исследователей, «следопытов». В поисках рукописей, портретов, книг, архивных материалов, в решении научных загадок он способен предпринимать бесконечные путешествия. Он умеет необыкновенно интересно рассказать о своих разысканиях, делая читателя страстным соучастником исследований, вовлекая его в их сложный и увлекательный процесс. Автор и исполнитель устных рассказов, необыкновенный мастер, который – один – может держать в напряжении огромный зал час, два, три, – Андроников сам же разрабатывает историю и теорию этого жанра. Он настоящий писатель. Его слог и язык образцовы. Вот и попробуйте найдите другого

такого человека, который был бы одновременно ученым, критиком, следопытом, писателем, артистом, рассказчиком. А в жизни – обаятельным и доброжелательным человеком. Не найдете. И в общем это здорово, что мне посчастливилось тридцать с лишним лет назад притащить его в Москву и представить моим товарищам-литераторам, хотя, конечно, Андроников стал бы Андрониковым и без всякого моего участия.

1968

ТАТЬЯНА ЛЕВЧЕНКО. Несколько слов к рассказу «Знакомство с Андрониковым»

Рассказ «Знакомство с Андрониковым» литературного критика и литературоведа Ф. М. Левина (1901–1972) рисует образ И. Л. Андроникова удивительно тепло и полно, не забывая ни одной грани его таланта. Между тем материалы архива критика позволяют добавить еще один светлый штрих к этому портрету.

Ум, обаяние, талант вместе и порознь помогают их обладателю добиваться успеха в жизни. Однако часто требуются слишком большие усилия для продвижения в желаемую сторону, а иногда жизненные трудности могут быть помехой для развития личности. Именно поэтому люди так ценят удачу, то есть шанс на то, чтобы в нужный момент некая доброжелательная рука помогла преодолеть первый барьер, облегчила начало карьеры.

Люди благородные помнят об этом всю жизнь и всю жизнь при удобном случае выражают свою благодарность публично.

Именно об этом качестве И. Л. Андроникова несомненно свидетельствуют записи дневника Ф. М. Левина 1971 года:

«В доме литераторов 24.VI.71 был вечер: „Навстречу V съезду Союза писателей СССР. Творческий отчет издательства "Советский писатель" (встреча с читателями)»

Меня на этот вечер не пригласили. Между тем я создавал это издательство осенью 1934 года (путем слияния Московского товарищества писателей (МТП) и Издательства писателей в Ленинграде) и был его первым директором и главным редактором.

А нынче пришел в издательство (28.VI) и мне рассказывают, что обо мне в своих выступлениях тепло вспоминали Ираклий Андроников и Сергей Васильев (и кто-то еще) <...>.

Вчера 27.VI ездил вручать адрес Сергею Михайловичу Бонди в связи с его восьмидесятилетием (исполнилось 25.VI). Старик чудесный, очень живой и проживет еще лет тридцать. С ним было интересно разговаривать, я просидел у него минут сорок.

С. М. сказал, что к нему на день рождения приходил И. Андроников и рассказывал, как я привез его в Москву».

В дневниках 1970 года есть и такая запись:

«В фильме „Ираклий Андроников рассказывает” он представляет А. Толстого, С. Маршака, М. Горького, И. Соллертинского, В. Шкловского, В. Качалова, А. Остужева, Жирмунского, Л. Щербу и Ф. Левина.»

По рассказам дочери писателя Е. Ф. Левиной после показа этого фильма по телевидению на отца обрушился шквал звонков знакомых и друзей, не просто услышавших о Ф. М. в андрониковском рассказе, а потрясенных тем, что И. Л. создал его образ даже находясь... спиной к зрителям. Как вспоминает Левина: «это была спина, осанка, посадка головы отца. Это было чудо». В этом эпизоде Андроников рассказывал о своем первом концерте и о том, как Левин прошел на сцену московского Дома писателей и представил его зрителям.

Среди документов, хранящихся в РГАСПИ, сохранилось письмо В. Ставского А. Щербакову² 20 мая 1934 года, в котором есть такая фраза:

² РГАСПИ ф. 88, оп. 1, д. 572, л. 4. В. Ставский (1900–1943) – советский писатель, литературный функционер. Генеральный секретарь СП СССР в 1936–1941 гг.; А. Щербаков (1901–1945) – советский государственный и партийный деятель. С 1934 года оргсекретарь Союза писателей СССР при председателе Союза, куратор Союза по линии ЦК, с 1935 года по совместительству заведующий Отделом культурпросветработы ЦК.

«Я говорил с Ф. Левиным из „С<ветского>.П<исателя>.” предложил ему разработать план декадников-вечеров литературы и искусства. Пусть проводит на базе ДСП <Дом советских писателей>».

Этот документ показывает, что у Левина была реальная и материальная возможность помочь талантливому человеку выйти на большую аудиторию.

2015

ТАТЬЯНА ТЭСС. Любимец многих муз

Удавней дружбы есть много прав; одно из них – право на воспоминания. Мне хотелось бы воспользоваться им, чтобы рассказать о своей первой встрече с Ираклием Андрониковым.

Встретились мы в доме у писателя Леонида Борового после недавнего переезда Андроникова из Ленинграда на постоянное жительство в Москву.

Собственно, в ту пору было недавним большинство событий, ставших впоследствии очень важными для всей его дальнейшей жизни. Первое выступление в московском клубе писателей с устными рассказами, первая оценка в печати этого дебюта, первая встреча с Горьким, выразившим желание послушать Андроникова, опубликование устных рассказов в журнале «30 дней» с лестными для автора вступительными словами Горького... Спустя много лет, говоря о той поре, Ираклий Андроников признавался, что день, проведенный на даче Горького, определил всю его жизнь. Перед ним, молодым лермонтоведом, молодым рассказчиком, чье необычное и прелестное дарование еще недавно было известно лишь узкому кругу ленинградских знакомых и друзей, открылся путь сразу и в литературу, и на эстраду. Внезапность этой перемены, ее масштаб, возможность крутого поворота всей дальнейшей судьбы ошеломили его самого.

Но как бы искусительно ни было его непреодолимое влечение «входить в образ» знакомых ему людей, как бы ни была сильна эта необычная страсть, он все же не представлял тогда, что это может стать для него основным и единственным занятием. К перспективе сделаться профессиональным артистом эстрады он отнесся с опаской – куда ближе казался скромный путь разыскателя новых фактов о Лермонтове. И Андроников после переезда в Москву решил поступить на работу в Рукописное отделение Ленинской библиотеки, а в свободное время продолжать заниматься Лермонтовым и, может быть, изредка выступать.

Тогда я и встретила его впервые.

В старом кресле-качалке, доставшемся Боровому, вероятно, еще из родительского дома, сидел незнакомый мне молодой темноволосый человек, что-то рассказывал и смотрел прямо на меня блестящими, живыми, внимательными глазами. Смотрел он, как я теперь понимаю, вовсе не на меня одну, но именно тогда я впервые столкнулась с удивительной особенностью Андроникова, которая потом так полно сказалась в его выступлениях на эстраде и по телевидению: каждому слушателю обычно кажется, что Андроников обращается, прежде всего, к нему, выбрав именно его среди всех других. Как это получается – не знаю, но тем не менее это происходит.

Молодой человек, слегка покачиваясь в кресле-качалке, рассказывал о Ленинграде, и то, о чем он говорил, вдруг стало оживать на моих глазах.

Слушая его, я видела Летний сад, окна дома Пушкина на Мойке, представляла шумные коридоры издательства, ощущала призрачность белой ночи... И чем больше я его слушала, тем яснее понимала, что встретила обыкновенного чародея: каждое его слово, коснувшись, словно волшебная палочка, моего воображения, создавало живой, зримый образ.

В ту пору я и представить не могла, что такое же чувство испытает в будущем множество людей, когда Андроников в своих телевизионных беседах заставит их участвовать вместе с ним в его литературоведческих розысках, видеть воочию всех, кого видел он, с кем он встречался, разыскивая альбом с неизвестным стихотворением Лермонтова или стараясь раскрыть спрятанное под инициалами имя красавицы, которой поэт посвящал свои стихи...

До первой встречи с Андрониковым я только понаслышке знала о его даре «изображать» знакомых ему писателей и деятелей искусства. Но можно ли сразу после знакомства просить человека продемонстрировать свой талант? Пока я мучилась, не зная, как подступиться к такой

просьбе, вопрос решился сам: в кресле-качалке вместо Ираклия Андроникова вдруг оказался Алексей Толстой.

Вслед за ним появился Качалов, потом Маршак, потом Соллертинский... Я до сих пор не могу забыть испытанного мною потрясения.

Больше всего потрясло меня не внешнее сходство со столь разными людьми, хотя я и не могла понять, каким образом в подвижном лице Андроникова вдруг вспыхивают и проступают чужие, непохожие на него черты, словно их лепит невидимый скульптор. Нет, меня поразило другое: способность вторгаться в мысли своего героя, говорить его голосом, свободно пользоваться свойственной данному человеку лексикой, думать так, как думает он, безошибочно угадывать его маленькие слабости, его большие чувства... Это была не портретная галерея, а целый мир, населенный прекрасными, талантливыми людьми: они говорили, спорили, размышляли, шутили, рассказывали о себе...

В разгар этого импровизированного выступления открылась дверь: пришла жена Андроникова, в ту пору актриса театра-студии под руководством Р. Н. Симонова. Рассказав нам до ее прихода о своей недавней женитьбе, Ираклий Луарсабович шутя добавил, что долго искал жену, у которой было бы такое же трудное имя и отчество, как у него самого, и наконец нашел: ее зовут Вивиана Абелевна.

Молодая, золотоволосая, с пылающим розовым румянцем на нежных, округлых щеках, Вивиана Абелевна, войдя в комнату, спокойно и неслышно села. Андроников продолжал рассказывать, а она внимательно и сосредоточенно слушала: было видно, что она ушла в слух всем существом, оценивая каждую фразу, ничего не пропуская в рассказе, как если бы слушала в первый раз. Точно такое же выражение сосредоточенного и взыскательного внимания, глубокой поглощенности рассказом можно увидеть на ее лице и сейчас: всю большую, вместе прожитую жизнь Вивиана Абелевна остается для Андроникова верным помощником в работе, главным его судьей.

Но все же почему так запомнился этот далекий вечер?

Почему, спустя многие годы, он вспоминается до того свежо и явственно, словно был вчера?

Потому, наверное, что безудержная щедрость таланта Ираклия Андроникова, которую мы тогда впервые узнали, продолжает поражать нас и сейчас. До сих пор с той же полнотой мы ощущаем заложенную в Андроникове неукротимую творческую энергию, счастливую потребность немедленно и бурно делиться с другими той радостью, какую он сам получает от искусства, зажигать в своих слушателях порою неожиданно для них самих увлеченность тем, что увлекает его.

Его талант насыщен столь мощной динамикой, что время как будто над ним не властно. Но здесь, пожалуй, стоит остановиться и поразмышлять над вопросом, решить который не так-то легко. А вопрос этот вот каков: что же считать главным талантом Ираклия Андроникова, его основной специальностью?

Масштаб и величину таланта определяют среди прочих измерений и тем, хватает ли этого таланта, чтобы сделать его основой всей своей жизни. Как оказалось, к Ираклию Андроникову подойти с такой меркой трудно.

Есть сказка о том, как фея при рождении человека кладет ему под подушку магический камень, объяснив, что чем щедрее человек будет делиться своим сокровищем с другими, тем ярче камень будет сверкать.

Но если эта фея существует, то при рождении Андроникова она что-то напутала и насыпала ему столько подарков, что их, кажется, хватило бы на несколько человек. Посудите сами, чего стоит одна только способность перевоплощаться в своих героев, рассказывать о них с такой изобразительной силой, что множество людей, которые в глаза этих героев не видывали и даже имени некоторых раньше не слыхали, слушают, затаив дыхание, и с нетерпением ждут,

когда встреча с рассказчиком повторится снова. Одного этого дара как будто достаточно, чтобы заполнить целую жизнь, не правда ли?

Но вот перед вами талантливый исследователь, удостоенный высоких ученых степеней, автор многих работ о Лермонтове, принесших ему заслуженную славу. Его можно было увидеть в научных библиотеках, где он проводил многие часы, он терпеливо рылся в старых архивах, он готов был мчаться в другой город, в другую страну, хоть на край света, если, по его догадкам, там можно разыскать новые материалы о Лермонтове. Труды этого литературоведа широко известны, а страстная преданность любимому поэту так велика, что, кажется, ничто другое уже не сможет вместить его душа.

Но это только кажется. Ибо литературовед, о котором идет речь, – тот же Ираклий Андроников.

Любите ли вы музыку? Если даже вы думаете, что серьезная музыка трудна для вашего понимания, если даже считаете себя недостаточно подготовленным, чтобы ее слушать, – все равно вас увлечет одержимо любящий музыку человек.

Он знает музыку глубоко, как профессиональный музыкант, восхищается ею пылко, как влюбленный. Он готов в любую минуту взорваться рассказом о музыке, словно только и ждал возможности рассказать о замечательных дирижерах, певцах, пианистах, которых ему посчастливилось слышать, тут же напеть тему любимой симфонии и показать заодно, как дирижировал бы исполняющим симфонию оркестром Мравинский или Штидри. Если забыть на секунду обо всей остальной деятельности Андроникова, то можно подумать, что единственное содержание его души составляет именно музыка.

Эта безудержная любовь, эта одержимость музыкой и придали, наверное, особую притягательность его выступлениям по телевидению, таким, как «Воспоминания о Большом зале», «Концерт в Ленинградской филармонии». Обратившись к тысячам слушателей с экрана телевизора, Андроников не только рассказывал им о музыке и помогал ее понять, но сумел сделать нечто большее: пробудить в них желание узнать музыку глубже, стремление к ней приобщиться. Свежее, чистое чувство приобщения к искусству, какое ощутили столь разные, сидящие у телевизоров люди, было самой сильной и благородной чертой этих передач, вызывающих огромное количество откликов.

...И вот снова наступает вечер, и снова в разных домах, в разных городах и поселках люди включают телевизор, и на экране появляется хорошо знакомый нам человек. Волосы его уже не так темны, как были когда-то, но лицо полно той же живой выразительности, а голос так же глубок и звучен, как был всегда. Он пришел к вам, чтобы поделиться тем, что ему дорого, чем живет его душа, открыть еще одну страницу увлекательного повествования, называемого «Рассказывает Ираклий Андроников». И не успеваете вы оглядеться, как уже перелетели вместе с ним за его находкой в Тагил или оказались на Невском проспекте и восхищенно вглядываетесь в благородный облик зданий, любуетесь стройностью колонн, изяществом капителей, пока рассказчик разворачивает перед вами свиток биографии знаменитого проспекта...

Ираклий Андроников создал на телевидении свой особый жанр, не укладывающийся ни в какие привычные рамки, столь же своеобразный и многоликий, как своеобразен и многолик его талант. Вместе с тем в любом выступлении он всегда остается прежде всего самим собой – непревзойденным собеседником, общение с которым бесконечно интересно. За ряд своих работ на телевидении Ираклий Андроников был удостоен Ленинской премии, и, казалось бы, эта область деятельности, в которой так ярко проявился его талант, могла бы стать для него основной и единственной, заполнив жизнь целиком.

Но он и здесь остается верен себе, с поразительной свободой распоряжаясь всеми подаренными ему природой талантами. К каждому своему призванию он продолжает относиться так, как если бы оно было главным делом его жизни.

Однажды зимой на переделкинской просеке я видела, как Андроников встретился с Корнеем Ивановичем Чуковским.

Встречи эти часто превращались ими в очаровательный веселый спектакль. Широко взмахнув руками, они бросались друг к другу, сочиняя на ходу изысканные пространственные приветствия, изощряясь в старомодной учтивости, стараясь перещеголять один другого цветистой галантностью и оборотами речи, о которых в словарях обычно пишется в скобках «устар.». Оба они при этом заразительно смеялись, забавляясь придуманной ими игрой; глубокие, звучные их голоса звенели в морозном воздухе среди покрытых снегом елей и берез. Так вот, когда Андроников, победно блеснув напоследок пышностью прощального приветствия, откланялся и ушел, Корней Иванович обернулся и посмотрел ему вслед. Высокий, седой, румяный, в длинном пальто и меховой шапке, Чуковский, улыбаясь, стоял на снежной дороге и наконец сказал:

– За всю свою жизнь я ни разу не встречал человека, хотя бы отдаленно похожего на Андроникова. Никого не могу с ним сравнить!

Эти слова Корнея Ивановича вспоминаются мне часто. И всякий раз при этом я думаю, что сказаны они человеком, который и сам был ни на кого не похож, сам был всесторонне и щедро одарен, – человеком, прожившим долгую, богатую событиями жизнь и повидавшим в разных ее эпохах немало интересных людей.

Но суть, очевидно, не только в многосторонней одаренности Ираклия Андроникова: ведь в любой области искусства можно найти людей, обладающих несколькими совершенно различными творческими способностями.

Главная особенность Ираклия Андроникова, на мой взгляд, заключается в силе и необычности его талантов, в счастливой самостоятельности каждого из них, в естественной, свободной гармонии, с какой они соединяются в его душе, не тесня, а дополняя друг друга. Как вмещает он все это, как успевает служить всем своим прекрасным, но требовательным музам, может показаться загадкой.

Но если хорошо взглядеться, можно ее и разгадать.

Просто у этого удивительного художника бесконечно щедрое, открытое и бескорыстное сердце.

1980

БОРИС ГАЛАНОВ. Ираклий

Он входил, нет, вбегал и даже не вбегал – врывался. Вот именно – врывался в кабинет и с порога глуховатым задыхающимся голосом Маршака торопливо произносил: «Здрассте, голубчик, здрасте, милый», – или глубоким, красивейшим голосом Василия Ивановича Качалова: «Насилу сегодня добрался. Затянулся спектакль. Рад, что вижу вас». В такие минуты все дела откладывались на неопределенное время. Пришел Андроников. А в присутствии Андроникова можно было заниматься только Андрониковым.

Даже главные редакционные «сухари» – люди хмурые и всегда партийно озабоченные – начинали улыбаться и похохатывать, когда одно за другим на наших глазах начинались виртуозные перевоплощения Ираклия. Внезапно побледнев, Ираклий расправлял фалды невидимого фрака, недовольно бормотал: «Черт возьми! Кажется, я сегодня не в форме», – властно взмахивал невидимой дирижерской палочкой, надувал губы и принимался насвистывать симфонии Бетховена, Малера, Прокофьева, Брамса, Чайковского, искуснейше, как прирожденный музыкант. Кем он был в эту минуту? Дирижером Александром Гауком? Царственной первой скрипкой, пожилым, старательным валторнистом или Борисом Пастернаком, отрешившимся от всего земного на концерте в Большом зале Консерватории?

Честное слово, иногда мне мерещилось, как студенту Ансельму в рассказе Гофмана «Золотой горшок», который вдруг увидел позади себя вместо стоявшего тут архивариуса Линдгорста сотворенное им волшебство – куст огненных лилий, что и я, обернувшись, увижу... ну, не куст огненных лилий, разумеется, но и не Ираклия, а Маршака, Качалова, дирижера Гаука, Фадеева, Алексея Толстого, академика Жирмунского...

Я часто слушал устные рассказы Андроникова в переполненных концертных залах. Но ему бывало достаточно даже одного-единственного зрителя-слушателя, чтобы разыграть перед ним целый спектакль. А по-другому Ираклий не мог, не умел. В глазах мгновенно зажигались фонарики. Даже на кончике носа появлялось какое-то веселое выражение. Да-да. Когда Ираклий рассказывал нечто забавное, не только глаза, улыбка, голос, жест – даже нос становился очень веселым.

В июне сорок первого Ираклий написал статью ««Бородино» Лермонтова». Приближалась сотая годовщина со дня гибели поэта. К этой дате в «Правде» готовилось несколько статей. «Бородино» была первой среди задуманных. Над гранками и версткой мы проводили с Ираклием долгие часы. Не потому, что требовалась редакция. Просто по ходу дела Ираклий разыгрывал интереснейшие лермонтовские спектакли.

В воскресенье 22 июня статья о «Бородино» появилась в «Правде». Денек выдался отличный, солнечный. Мы с женой Ириной уезжали на дачу. Хорошее летнее название станции – Загорянка – приглашало: «Приезжайте загорать...»

Завтра газеты опубликуют речь Молотова и указ о мобилизации военнообязанных. А в первой сводке Главного командования Красной армии будет сказано, что войска противника добились незначительных успехов, заняв в 10–15 километрах от границы местечки Кальвария, Стоянув, Цехановец, и мы бросимся разыскивать на картах никому доселе не известный Стоянув. Но сегодня, 22 июня, я проглядывал в газете воскресные заметки об открытии в Киеве нового стадиона, о переводе в московском зоопарке зверей в летние вольеры и внимательно перечитал статью Андроникова. Не вкрались ли в последнюю минуту досадные опечатки. Нет, все было в порядке.

Впоследствии мы часто вспоминали с Ираклием эту статью, совпавшую с днем начала войны, последнюю его мирную статью. Отныне военная тема оказалась главной для многих писателей и журналистов, ставших на долгих четыре года военными корреспондентами. Впрочем, сам Ираклий вел отсчет своих военных статей, начиная с «Бородино». Так уж случилось,

что в день, когда артиллерия загрохотала на всех фронтах, обращение к старому лермонтовскому солдату-артиллеристу и размышления Ираклия о роли артиллерии в бородинском сражении приобрели неожиданную злободневность.

В послевоенные годы наша дружба с Ираклием не прерывалась. В последний раз виделся с ним, когда он уже тяжело и безнадежно болел, лишился дара речи, и это было самое страшное. Голос Ираклия – удивительный, музыкальный его инструмент, которым он так виртуозно владел, – отказывался ему подчиняться.

Чтобы услышать Андроникова и понять, что он прошелестел, надо было приложить ухо к самым губам.

Но мне не хочется обрывать рассказ на печальной ноте. Лучше вернуться к тем временам, когда молодой, жизнерадостный, темпераментный Ираклий, восхищавший своими импровизациями неширокий круг друзей-литераторов, вышел с устными рассказами к широкой аудитории, на эстрадные площадки, в концертные залы, а потом и на телевидение. Ему предложили записаться. Спросили, что бы хотел выбрать. Ираклий выбрал «Загадку Н. Ф. И.», увлекательный, почти детективный сюжет о поисках литературоведа. Кто была женщина, которой Лермонтов посвящал свои стихи, зашифровав под инициалами Н. Ф. И.? Ираклия спросили: «Сколько вам понадобится времени для своего рассказа?» Ираклий ответил: «Час с четвертью». Редактор расхохотался: «Мы знаем, что вы шутник, Ираклий Луарсабович». В то время работники телевидения были убеждены, что слушать на телеэкране «говорящие головы», кроме речей генсека, можно десять, от силы пятнадцать минут, после чего зрители заскучают, начнут зевать. На ТВ предпочитали действие, сюжет. Но Ираклий не шутил. Загадка «Н. Ф. И.» сломала стереотипы. Приключения мысли оказались захватывающе интересными. Посыпались просьбы повторить передачу. Тогда еще не было в моде определение «телевизионная звезда». Андроников ею стал. В следующий раз редактор сказал: «Короткая получилась передача. Давайте прибавим вам эфирное время».

И прибавили. Перестали скупиться. Поверили. Когда сегодня на ТВ, бывает, показывают «Устные рассказы» Андроникова, радуешься каждой минуте «сверх», проведенной с ним, в его обществе. Мне выпало счастливое, а может быть, грустное преимущество перед молодыми зрителями. Я еще застал людей, которых показывал Ираклий. До чего похоже! Каждый «говорящий мемуар» Андроникова – законченное произведение со своим сюжетом, завязкой, кульминацией, движением характера.

Ираклий сочинял свои рассказы устно, взяв в союзники не перо, не бумагу, а мимику, жест, голос. Хрупкий, недолговечный материал. Казалось, с годами феномен Андроникова уйдет в легенду. Кто и когда в последний раз его видел и слышал? А оказывается, видели и слышали многие. Андроников – собеседник, неистощимый рассказчик, эрудированный литературовед – прописан на ТВ. Прочно. Постоянно...

1996

ВАЛЕНТИНА БАЛУАШВИЛИ.

Капитан Ираклий Андроников

Дверь небольшой светлой комнаты приоткрылась.

– Капитана Андроникова к редактору!

– Видно, насчет поездки, – отозвался майор Виталий Закруткин, возглавлявший в редакции писательскую группу.

Ираклий Андроников встал и, улыбаясь прищуренными глазами, как это умел делать только он, сказал, выходя:

– Сам напросился!..

Накануне в беседе с редактором Иваном Михайловичем Лаврухиным зашел разговор о генерале Чанчибадзе, и Ираклий Андроников изъявил желание поехать к нему на Южный фронт.

С генералом Чанчибадзе Ираклий Луарсабович был знаком – встречался с ним под Ржевом, после чего опубликовал в газете Калининского фронта большой о нем очерк.

Этот очерк, заново переработанный и дополненный, был помещен и в одном из февральских номеров газеты Закавказья «Боец РККА». Передо мной пожелтевшие от времени страницы этого номера. Крупный заголовок: «Как бить вражеские танки» и подзаголовок: «Беседа гвардии генерал-майора Порфирия Георгиевича Чанчибадзе с бойцами пополнения».

Перечитываю строки, хорошо знакомые по устному рассказу писателя: «Я увидел его на лесной поляне перед двумя шеренгами бойцов из пополнения – будущих истребителей танков, что-то объясняющим им.

Чанчибадзе попросил меня обождать и обратился к следующему по порядку бойцу.

– Фамилия как? – спросил он с заметным грузинским акцентом.

– Котлов, – отвечал боец.

– Как? – переспросил Чанчибадзе.

– Гвардии красноармеец Котлов.

Молодец, Котлов! – сказал Чанчибадзе... – Ты скажи, танки видел?

– Видел, только стрелять не пришлось.

– Ничего! Теперь ты будешь стрелять. Теперь у тебя есть ПТР – противотанковое ружье, первоклассная техника. Танк от тебя никуда не уйдет. Изучил уже ружье?

– На «отлично»!

– Молодец, молодец! – Чанчибадзе потрепал его за плечо. – Значит, не пропустишь немецкие танки?

– Думаю так, что не пропущу.

– Э-э! Вот это ты плохо сказал. Что это за ответ: думаю? Думать можно целую жизнь, а все же не принять никакого решения.

– Ни за что не пропущу, товарищ гвардии генерал-майор!

– Вот это другое дело! Это настоящий ответ».

Ираклий Андроников подробно рассказывал, как генерал, проверяя подготовку бойца, ставил перед ним конкретные задачи, поправлял, когда тот ошибался, учил, как действовать во фронтовой обстановке. Примечательна была концовка очерка, связавшая воедино разные по времени события и приблизившая тот эпизод в заснеженном лесу к боевым наступательным действиям советских войск: «...Теперь, когда я прочел сообщение о том, что его бойцы первыми ворвались в город Новочеркасск, я понял, что они крепко запомнили все, чему учил их генерал Чанчибадзе».

И вот Ираклию Андроникову предстояла новая встреча с прославленным генералом, на этот раз на реке Миус: разрешение на поездку было получено, и редактор, вызвав к себе капитана, предложил ему оформлять командировку на Южный (4-й Украинский) фронт.

С нетерпением ждали в редакции возвращения Ираклия Андроникова с фронта. За то недолгое время, что писатель пробыл в редакции «Боец РККА», а переведен он был сюда в январе 1943 года с Калининского фронта из газеты «Вперед на врага», Ираклий Андроников стал душой редакции. Простой, необычайно приветливый и общительный, с тонким чувством юмора, он сумел завоевать симпатии не только сотрудников редакции, но и всех, кто делал газету, – начиная с линотиписток и кончая начальником издательства. Возвращение И. Андроникова с Южного фронта было событием в редакции – оказалось, он не только встретился с генералом Чанчибадзе, но и участвовал вместе с ним и его бойцами в сражении за высоту «+8,0». Вместе с генералом, то ползком, то перебежками, он добирался до первой траншеи, был рядом с генералом, когда воины готовились к штурму высоты, когда поднялись и бросились в атаку. Высота была у противника отбита.

Рассказывая о сложности ситуации, о наступательном порыве, который он сам ощутил, Ираклий Андроников, как обычно, привносил в свой живой и увлекательный рассказ струю добродушного юмора. Слушали его с захватывающим интересом, переспрашивали, временами смеялись от души. Буквально «на глазах» у сотрудников редакции родился устный рассказ Ираклия Андроникова «Высота +8,0».

У капитана Андроникова было много и других командировок. Результатом одной из них был очерк «Цена секунды» – опираясь на правдивый и живой материал воздушного боя в районе Моздока, автор рассказывал о цене секунды в таком бою.

В июле 1943 года вместе с Виталием Закруткиным И. Андроников выезжал в район Грозного на тактические учения, и тогда появился разворот «Учение – мать умения», в аннотации к которому говорилось: «В Н-ской части только что закончились трехдневные тактические учения. Группа военных корреспондентов газеты „Боец РККА“ по заданию редакции наблюдала эти учения. Сегодня мы печатаем записки писателей Виталия Закруткина и Ираклия Андроникова, посвященные отдельным этапам учения».

В небольших очерках, помещенных на развороте, рассказывалось о ночном марше, об атаке пехоты, о действиях разведчиков и медицинской службы. Разворот этот получил самую высокую оценку, и сотрудники редакции от души поздравляли его авторов. Уже в наши дни в беседе с корреспондентом газеты «Ленинское знамя» В. Сорокиным Ираклий Андроников вспоминал:

– С командировочными предписаниями редакции фронтовой газеты «Боец РККА» писатели, проходившие службу в редакции, колесили по горным дорогам, встречались на передовой с бойцами и командирами, делили с ними суровую долю окопной жизни, переживали бомбежки, артобстрелы, становились свидетелями и участниками боевых действий. Так собирался и копился материал, который появлялся на страницах газеты в виде очерков, статей, корреспонденции и простых заметок. Те, кого я знал, с кем встречался в частях и подразделениях, были и читателями газеты, и героями газетных выступлений.

Находясь во время командировок среди героев своих будущих очерков и рассказов, разделяя с ними все трудности и невзгоды, все опасности фронтовой жизни, капитан Андроников обладал удивительным умением расположить к себе собеседника, вызвать его доверие. И тогда человек раскрывался перед ним самыми разными, порой неожиданными, гранями своей души и характера. Именно благодаря этому герои его очерков и рассказов – смелые, бесстрашные защитники Родины – обладали яркой индивидуальностью, присущими именно им чертами характера, психологией.

Одним из первых его военных выступлений был очерк о командире соединения партизанских отрядов на Смоленщине – знаменитом «Бате». В письме к другу, поэту Ираклию Аба-

шидзе, написанному еще во время пребывания на Калининском фронте, Ираклий Андроников рассказывал: «Я работаю в газете. Работаю, как умею. Пишу очерки. Написал целую серию о поездке к смоленским партизанам, в тыл немцев, в отряды знаменитого Бати. Сейчас пишу о нем очерк для книги, которую собираются выпускать: эта книга о героях нашего фронта. Вот и все, что я делаю... 20 апреля 1942 г. Действующая армия».

В период работы в газете «Боец РККА» капитан Андроников создал серию очерков о героях-патриотах. В их числе был очерк «Генерал Таварткиладзе». Очерк этот привлекал достоверностью, дыханием переднего края, умелой подачей материала. В очерке рассказывалось о смелых боевых действиях соединения генерала Таварткиладзе под Сталинградом, о мужестве, решительности и находчивости самого командира, умевшего в предельно сложной боевой обстановке принять единственно правильное и мудрое решение. Даже сейчас нельзя без волнения перечитывать конец очерка. В нем передано незабываемое: радость встречи в освобожденном Сталинграде генералов двух соединений – Таварткиладзе и Родимцева.

Все, о чем писал Ираклий Андроников в трудные дни войны, было пронизано оптимизмом, верой в победу. А когда Советская армия перешла в наступление, когда впереди ей предстояли тяжелые бои, требовавшие напряжения всех физических и духовных сил, газета поместила очерк Ираклия Андроникова «Мысли сержанта Пашкова о победе». Каждая строка очерка отражала безмерную, ни с чем не сравнимую сыновнюю любовь к матери-Родине. Трудно пересказать его содержание, я привожу из него отрывок: «...как ни любили мы до войны свою Родину, особенную, ни на что не похожую, великую и скромную, беспредельную и уютную, суровую и ласковую, красивую и простую, как ни любили мы ее прежде, но только в дни Отечественной войны почувствовали всю силу своей любви к ней, узнали, как больно отдавать врагу русский перелесок или пригорок и какая ни с чем не сравнимая радость отвоёвывать их у врага. За них не поскупишься пролить кровь, не считаешься с жизнью...

...Мы побеждаем теперь, и грохот орудий в Москве ежедневно возвещает о новых победах. Придет день, когда эти победы сольются в большую окончательную победу. Мы на пути к ней. Но впереди – тяжелые сражения. Ни один переход в пути не труден так, как последняя верста...»

Окончание очерка, написанного «языком сердца», подчеркивало единство взглядов воюющего народа: «Это твои мысли, товарищ Пашков, это мои мысли, это мысли всех советских людей».

В большом, на всю газетную полосу, публицистическом очерке Ираклия Андроникова «Москва», где взволнованное воспоминание о героическом прошлом столицы переплеталось с рассказом о Москве как о столице Советского государства, как об одном из центров мировой культуры, вновь выражалась непоколебимая уверенность в том, что недалек уже день, когда в громе последнего салюта Отечественной войны на Красной площади будет проходить парад нашей Победы.

Но не только «военные» очерки писал в те суровые военные годы Ираклий Андроников. Будучи сам необычайно разносторонним, эрудированным человеком, он был убежден, что каждый воин, будь то солдат или офицер, должен постоянно работать над собой, расширять свой кругозор, и газета обязана помогать ему в этом. Поэтому он охотно брался за материалы, пропагандировавшие среди воинов необходимость глубоких знаний в различных отраслях науки и искусства.

Передо мной очерк «Два офицера». Помню, его горячо обсуждали в свое время на редакционной «летучке». Лейтмотив очерка – офицер должен быть всесторонне образованным человеком, иначе какой же он командир и воспитатель своих подчиненных?

А вот полоса «Книга – воспитатель и друг». В ней живо и увлекательно рассказано об открытом комсомольском собрании в Н-ской авиашколе, которое было посвящено роли и значению книги в воспитании человека, в формировании его характера, в овладении лите-

ратурным языком. Собрание организовал и подготовил сам Ираклий Андроников. Еще один материал – «Красноармейская поэзия». В нем писатель подводил итоги объявленного редакцией газеты конкурса красноармейского поэтического творчества и вновь призывал воинов побольше читать, а начинающих поэтов настойчивее учиться мастерству. Интересна была концовка статьи, в которой Ираклий Андроников, руководивший конкурсом, прозорливо предсказывал появление многих новых имен в послевоенной литературе. Отмечая, что многие воины, не только делом, но и словом участвуя в битве с врагом, стремятся приобщиться к литературе, И. Андроников писал: «Нет сомнения, многие участники Отечественной войны смогут осуществить это желание. Стоит только вспомнить, как с фронтов гражданской войны пришли в редакции газет и журналов новые люди, совсем не писатели. Их книги о гражданской войне, о победившем в нашей стране строе положили тогда начало советской литературе. Кончится и эта война. И те, кто сейчас воюют, напишут о войне замечательные книги, которые не напишет за них никто другой. Мы услышим в литературе новые имена. Как зовут их – этих будущих писателей и поэтов? Где, на каких фронтах они сейчас сражаются? Как они будут писать? – покажет время».

И. Андроников пропагандирует через газету новые политические и художественные издания, отвечает на вопросы читателей, например о происхождении и историческом значении воинского клича «Ура!», публикует любопытные исторические материалы.

Даже для многих работников редакции был в то время откровением рассказ-очерк И. Андроникова «Капитан Белозерского полка», помещенный под рубрикой «По страницам истории русской армии и флота». В нем рассказывалось о героической русской девушке Александре Тихомировой, явившейся в Белозерский мушкетерский полк под именем капитана Тихомирова. Назначенный командиром роты капитан быстро снискал любовь и уважение солдат, прославившись необычайной храбростью и доброжелательностью к людям. Капитан погиб в январе 1807 года в одной из атак, когда полк, входивший в состав арьергарда под командованием Багратиона, прикрывал отход главных сил. Даже смертельно раненный, капитан продолжал подбадривать и воодушевлять солдат. А когда сражение кончилось и стали хоронить павших, полковой священник, выполняя завещание покойного в случае смерти открыть его тайну, сообщил, что капитаном была девушка Александра Матвеевна Тихомирова. После смерти отца и брата она, хорошо владея военным искусством, воспользовалась одеждой и документами брата и явилась в полк. Похороненная с почестями, присущими офицеру, заканчивал свой рассказ И. Андроников, Александра Тихомирова «навсегда вошла в семью полка, штурмовавшего стены Измаила под знаменем великого Суворова».

Для того чтобы газета могла чаще рассказывать воинам о героическом прошлом русского народа, о его лучших достижениях, капитан Андроников вскоре по прибытии в «Боец РККА» установил контакты с выдающимися учеными, деятелями искусства, многие из которых были его друзьями. Если перелистать подшивки газеты за 1943 и последующие военные годы, можно встретить на ее страницах имена академиков И. А. Орбели и Е. В. Тарле, профессоров В. Н. Орлова, В. С. Асатиани, молодого тогда физика Э. Л. Андроникашвили и многих других.

Совершенно справедливо сказал однажды Э. Фейгин: «Ираклий Андроников во многом способствовал тому, что в нашем редакционном коллективе, а главное в нашей газете, возникла атмосфера высокой духовности и интеллектуальности».

Увлеченность самого И. Андроникова русской художественной литературой и музыкой отразилась в его очерках, посвященных писателям и композиторам. Главное в этих написанных живо и увлекательно очерках о Грибоедове и Лермонтове, Тургеневе и Чехове, Николае Островском, Глинке и Чайковском, Римском-Корсакове и Мусоргском и других – то, что выдающиеся деятели прошлого как бы становятся плечом к плечу со сражающимся народом. Автор тонко выявляет в них черты, близкие по духу советским людям, и показывает их с необычай-

ной силой выразительности. При этом он умеет найти интересное лирическое или публицистическое начало, которым приближает героев своих очерков к современности.

Вот как начинался, например, очерк И. Андроникова «Поэт, патриот, воин», посвященный М. Ю. Лермонтову:

«Летним вечером 1942 года на берегу Волги под Ржевом, в минуту затишья, командир зенитной батареи капитан Петр Старовойтов читал мне наизусть лермонтовского „Мцыри“. Замечательно в этом было не то, что он прочел на память около тысячи строк, а то, что написанные больше ста лет назад стихи зажигали его, отвечали его чувствам на фронте, составляли одно целое с его представлениями о подвиге, о свободе, о Родине».

Непринужденный разговор о патриотизме М. Ю. Лермонтова постоянно подкреплялся в очерке примерами из его произведений. И естественно вытекало заключение: «Да, с детских лет в наших сердцах отзывается благородный голос Лермонтова, пробуждающий отвагу, утверждающий чувство чести и долга перед Родиной». Развивая мысль о том, чем дорог современному читателю великий поэт, И. Андроников писал: «Все пленяет нас в Лермонтове – и сила пламенных страстей, и ум, холодный и глубокий, беспощадная искренность, презрение к человеческим слабостям и ненависть к насилию и произволу. Вот почему, перелистывая томики Лермонтова, мы испытываем высокое поэтическое наслаждение. Мы неотделимы от него, он от нас».

Эта поэтическая концовка как нельзя лучше характеризовала отношение к М. Ю. Лермонтову самого автора – его глубокого почитателя и блестящего исследователя.

С фронтовой зарисовки – традиционного для И. Андроникова зачина – начинался и его очерк «Чехов». Впрочем, это была не совсем обычная экспозиция – мягкими пастельными красками, рукой художника, проникновенно любящего природу, показывает автор в очерке ночную степь, оживающую после дневных боев: «Едва землю окутывала мгла и начинал понемногу стихать грохот великой битвы, которая войдет в историю под кратким названием „Бои на реке Миус“, сухая, обожженная войной и солнцем степь оживала, словно вздыхала широкой грудью. Взлетали над лиловыми холмами ракеты, обливая окрестность электрическим блеском, еще трещали автоматы в налитой густыми сумерками балочке, посвистывали и гулко лопались невдалеке мины, а степь уже наполнялась ночными звуками и пела на тысячу голосов. Трещали в траве кузнечики, что-то шуршало, царапалось, ухало; густо и сладко пахли запоздалые цветы, теплые струи воздуха вмешивались в ночную прохладу».

– Чеховские места! – сказал мне майор Репин, вышедший из блиндажа подышать свежим воздухом. – Правее – Платовская станица. Туда вон – Большекрепинская. Рассказ „Красавицы“ помните? И Таганрог – родина Чехова – недалеко отсюда. Лучше всего у него описаны эти места в повести „Степь“. А главное – точно...»

И. Андроников раскрывает перед читателями не только патриотизм А. П. Чехова, но и его гуманизм, любовь к простому народу, веру в его светлое будущее, уважение писателя к труду, преобразующему на земле жизнь. «Именно это дает произведениям Чехова бессмертную жизнь», – подчеркивал автор.

Не могу не привести начало еще одного очерка И. Андроникова «Живой Островский», написанного к 40-летию со дня рождения писателя. И. Андроников предваряет рассказ о Николае Островском интересным и знаменательным диалогом:

«Недавно я встретил в Москве одного журналиста.

– Где ты сейчас? – спросил я его.

– На втором Белорусском.

– Кто у вас там работает из писателей?

– Лучше всех, пожалуй, покойный Николай Островский».

Отгаливаясь от слов друга, И. Андроников показывает на конкретных примерах, как книга Н. Островского учит мужеству, отваге, беззаветной преданности Родине, как воспитыв-

ваит и вдохновляет воинов. Проникновенно обращение автора к тем, кто еще не знаком с книгой: «Друг мой, прочти эту книгу. Она послужит тебе в бою и подскажет, как совершается подвиг. В этой книге ты познаешь душу героя...»

И. Андроников неустанно пропагандировал в газете не только художественную литературу, но и музыку, которая всегда была и остается неотъемлемой частью его духовного мира.

Работая в редакции, он в скупые минуты отдыха заходил иногда в один из отделов и начинал напевать и «играть», имитируя различные инструменты, любимые арии из опер, мелодии известных симфоний. Он мог просто так, сходу, рассказать о замечательном дирижере, певце или пианисте.

Эту свою безграничную любовь к музыке, интерес к ней И. Андроников стремился привить и читателям фронтовой газеты. Именно его перу принадлежали проникновенно написанные очерки о великих русских композиторах – Глинке, Римском-Корсакове и других, о современниках – русских и грузинских, о Декаде советской музыки республик Закавказья.

В этих очерках писатель не просто излагал факты, а высказывал свое к ним отношение, передавал вызванные ими раздумья. Вот что писал И. Андроников в очерке «Михаил Иванович Глинка» о замечательном композиторе:

«Произведения Глинки – его романсы и песни, оперы, оркестровые увертюры, вальсы – можно слушать целую жизнь. Чем больше их знаешь, тем больше любишь, и уже начинает казаться, что ты всегда знал их, что они родились вместе с тобой, неотделимы от тебя, от твоей жизни, от твоей любви, от души...»

Перечитываешь строки очерка, посвященные прощальной арии Ивана Сусанина, и словно слышишь голос И. Андроникова, который не мог говорить об этой арии, об опере без волнения: «Слезы выступают на глазах – спокойно это место слушать нельзя. Нет, это не опера! Это больше, чем опера – это сама история, сама жизнь. Тут вся русская душа со всеми ее страстями. Это великая эпопея, в которой гениально воплощена национальная идея русского героизма: презрение к смерти ради свободы Родины есть высшее проявление любви к жизни».

В другом очерке «Великий мастер», написанном к 100-летию со дня рождения Н. А. Римского-Корсакова, И. Андроников находил удивительные метафоры, помогающие передать органичную связь творений выдающегося композитора с исконно русскими национальными истоками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.